

Из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924)

Когда я
        итожу
                        то, что про́жил,
и роюсь в днях –
                                ярчайший где,
я вспоминаю
                        одно и то же –
двадцать пятое,
                        первый день.
Штыками
        тычется
                        чирканье молний,
матросы
        в бомбы
                        играют, как в мячики.

От гуда
    дрожит
        взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
        внизу пулеметчики.
– Вас
    вызывает
        товарищ Сталин.
Направо
    третья,
        он
            там. –
– Товарищи,
        не останавливаться!
                                Чего стали?
В броневики
    и на почтайт! –
– По приказу
    товарища Троцкого! –
– Есть! –
        повернулся
            и скрылся скоро,
и только
    на ленте
        у флотского
под лампой
    блеснуло –
        «Аврора».
Кто мчит с приказом,
        кто в куче спорящих,
кто щелкал
    затвором
        на левом колене.
Сюда
    с того конца коридорища
бочком
    пошел
        незаметный Ленин.
Уже
    Ильичем
        поведенные в битвы,
еще
    не зная

его по портретам,
толкались,
орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,
шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уоставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится –
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил

